

bedtime I could not help asking what I had done during day and particularly what proper duty I had omitted to perform, according to the well-known Pythagorean dictum.

For me morality has meaning in our relation with the others. An isolated human being has primarily the right and duty to preserve him/herself. Living in a society, though, one should be fair to the others. Aristotle said that if there is friendship there is no need of justice, which implies that since friendship does not inspire all human relations, fairness, as Rawls put it, is necessary in a well-ordered society of strangers. Thus, morality is for me restriction of personal interests, inasmuch as according to the “prisoner’s dilemma”, common adherence to principles secures long-term convergence of interests and contributes to the attainment of personal peace and social harmony.

Мирто Драгона-Монаху¹

Несмотря на то, что я написала толстую книгу «Современная моральная философия», множество статей и докладов о морали и этике в историческом и теоретическом ракурсе, знакома с различными определениями морали и этики, я не могу не испытывать замешательство и волнение в связи с вашим интересным и интригующим вопросом о том, как я понимаю мораль «вне адресации к истории вопроса» и «аналитики». Хотя мораль не является по своей сущности неопределенной, тем не менее это «весьма спорное понятие». Известно, что мораль трудно определить и отличить от этики, для некоторых философов обе они – и мораль и этика – «представляют собой одно и то же». И все же мораль может быть определена и была определена различным образом в исторических, культурных, нормативных и теоретических понятиях исторической теории и культуры. Обычно мораль задается таким образом, чтобы это понятие охватывало приложение к человеческому поведению таких понятий, как добро и зло, правильное и неправильное, тогда как этика имеет дело со значениями моральных понятий, ценностей и принципов. В Греции известные философы определяли мораль как «подчинение общепринятым законам (следование принципам) поведения» или как «санкционированные обществом общие взгляды на то, что запрещено, раз-

¹ Мирто Драгона-Монаху – профессор-эмеритус университетов Афин и Крита. Автор книг “The Stoic Arguments for the Existence and the Providence of the Gods” (1976), “Philosophy and human Rights” (1985), “Modern Moral Philosophy” (1996). Область интересов: античная философия, философия прав человека, моральная философия, биоэтика.

решено или предписано» и т.п. Интересно определение морали в Кембриджском философском словаре: мораль – это «неформальная общественная система, обращенная ко всем разумным личностям, управляющая поведением, влияющим на других людей, нацеленная на уменьшение зла или вреда и включающая то, что обычно известно в качестве моральных правил, моральных идей и моральных добродетелей». Для нас, греков, сложности точного определения морали еще более велики, так как в греческом языке одно слово “*ethike*”, производное от *ethos*, означает и нравы и этику, тогда как мораль (*ethikoteta*) означает скорее нормативную, чем теоретическую этику. Более того, у Сократа, отца-основателя моральной философии, мы не обнаруживаем этого термина, тогда как у Аристотеля, наиболее систематичного теоретика, термин *ethicos*, производный от *ethos*, появляется только в форме прилагательного.

Лично я понимаю мораль или «моральную точку зрения» как «самоограничение» или как «ограничение личных интересов», следуя за Аристотелем, который почти отождествлял мораль со справедливостью в качестве «полной добродетели... в отношении к другому [лицу]»¹ (N.E. 1129b 27). Я также понимаю ее как самоконтроль (*elenchos*) или «заботу о душе» и как определяющую надлежащий ответ на вопрос «Как я должен жить?», если следовать Сократу. Тем не менее, пытаясь ответить на поставленный вопрос «до-аналитично», т.е. понимая мораль как личное открытие или изобретение, я последую за Витгенштейном. Как известно, после того, как Витгенштейн в *Логико-Философском Трактате* поместил этику в мистическую, невыразимую область молчания, в *Философских исследованиях* (I 77) он указывает на сложности, с которыми сталкиваются те, «кто в эстетике или этике ищет определений, соответствующих нашим понятиям». И добавляет в том же контексте: «Всякий раз, столкнувшись с такой трудностью, задай себе вопрос: как мы усвоили значение этого слова (например, “хорошо”)? На каких примерах, в каких языковых играх? И тогда тебе станет легче понять, что данное слово должно иметь целое семейство значений»². В своей «Лекции об этике» Витгенштейн определяет этику как всеобщее стремление «выйти за пределы мира, т.е. за *пределы* обладающего значением языка», но также и как свидетельство определенного стремления человеческого сознания сказать что-то о конечном смысле жизни. В более поздней работе он понимает мораль как основательно личное дело, в рамках которого человек может говорить «от первого лица», т.е. только «для себя», независимо ни от какого

¹ В пер. Н.В. Брагинской.

² Цит. по: Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 245.

объяснения и теории. Потому что, «если бы он нуждался в теории, чтобы объяснить другому сущность этического, этическое не имело бы вообще никакой ценности».

Таким образом, пытаясь ответить на ваш вдохновляющий вопрос «Как я понимаю мораль?», я решила, что лучше всего вернуться на много десятилетий назад и вспомнить, как я впервые поняла или использовала слова «хороший» и «плохой» или как и когда я обнаружила сферу и характер морали в процессе поиска «логического пространства, в котором такие предикаты, как хорошее и плохое, правильное и неправильное имеют смысл». Эта процедура напоминает мне платоновский диалог «Евтифрон», в котором Сократ обосновывает автономию этики на основе смысла слов «святой» и «хороший», хотя только Платон обеспечил эту автономию с помощью идеи блага. Итак, первым контекстом, в котором я поняла, что хорошее и плохое имеют значение, была квалификация людей. Прилагательные хороший и плохой были определениями именно людей. Быть хорошей девочкой означало делать то, что другие, т.е. родители и вообще старшие хотели, чтобы она делала, т.е. вести себя правильно в соответствии с их инструкциями: есть, спать, играть таким образом, чтобы не вызывать беспокойство и быть послушной. Позже девочка считалась хорошей, если она имела обыкновение регулярно посещать церковь, ходить в воскресную школу, молиться и т.д. и т.д. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что такое использование «моральных» определений в подобных ситуациях ни в коей мере не являлось ни моральным ни этическим, но лишь продиктованным благоразумием или религиозными установлениями. Оно служило целям других, не относившихся к людям как к целям самим по себе или идентифицировавшим мораль с послушанием либо почтительностью. И только уже будучи подростком – в возрасте, с которым стоики связывали разум и моральное чувство, – я научилась применять определения «хороший» и «плохой», «правильный» и «неправильный» не столько к поступкам, сколько к людям и по разным основаниям. На мой взгляд, поступок был правильным или неправильным в зависимости от его справедливости в отношении других, или от возможности принять его в качестве правила, если не всеобщего закона. Именно на этом этапе определения «хороший» и «плохой», «правильный» и «неправильный» обрели моральный смысл. Я поняла, что стала морально чувствительной (*sensitive*), так как перед отходом ко сну в соответствии с известной пифагорейской духовной практикой не могла не задаваться вопросом: что я сделала в течение дня и особенно каким долгом я пренебрегла?

Для меня мораль имеет смысл в наших отношениях с другими. Изолированный человек имеет в первую очередь право и долг сохранить себя. Но живя

в обществе, он должен быть справедлив с другими. Аристотель сказал, что если существует дружба, нет нужды в справедливости, а это подразумевает, что если дружба не лежит в основе всех человеческих отношений, то справедливость, как ее понимает Роллс, необходима в хорошо организованном обществе чужаков. Таким образом, для меня мораль является ограничением личных интересов, поскольку в соответствии с «дилеммой заключенного», совместное следование принципам обеспечивает постоянное сближение интересов и способствует достижению личного мира и социальной гармонии.

Перевод с английского О. Зубец

Kathleen Ferraiolo¹

As a political scientist, my first reaction to the word “morality” is to consider its relationship to politics and public policy. Scholars have grappled with the question of whether “moral issues” exist in politics and if so, how to identify the distinctive features of such issues. Some of the best-known research in the field has argued that moral issues are characterized by divisions over core values, technical simplicity, strong levels of public participation, high salience, and difficulty of compromise. As helpful as it would be to have a set of markers that could be referenced to determine which debates have a moral dimension, there have been relatively few attempts to objectively verify these claims. Perhaps this is because, as some of my students have noted in papers that strive to evaluate the moral qualities of various topics, it is challenging to empirically link these features to particular policy issues. How does one evaluate the level of technical simplicity that an issue exhibits? How does one measure the extensiveness of public participation involved? As for salience, even casual observers can note that the most salient public issue of 2012 – the economy – does not have an explicitly moral dimension. And in an era of increasing partisanship and polarization, compromise seems elusive for issues moral and non-moral alike.

Mooney and Schuldt (2008) attempted to refine the definition of morality policy and argued that the defining characteristic of a moral issue is that it engages debates over first principles or core values. This understanding offers flexibility in that it allows for variation not only in people’s opinions about sensitive topics, but also in

¹ Kathleen Ferraiolo — Associate Professor of political science, James Madison University, the USA, her research agenda focuses primarily on direct democracy as a policymaking institution in the American states